

АЛЬКЕЙ ХАКАНОВИЧ МАРГУЛАН. К ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО И ЧЕЛОВЕКА

Можно ли представить Россию без казахов? Конечно, можно, но почему-то никто этого себе не позволяет.

Как представить себе отсутствующим братский народ, с которым русские крепко свыклись почти за целое тысячелетие совместного существования. Русский поэт Сергей Марков - старый, мудрый человек - написал такие строки:

"В бессмертном "Слове о полку",
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
кипчакские слова..."

Это и есть чистая правда истории. Началась она 960 лет тому назад, в 30-х гг. XI в., когда впервые кипчаки пригнали свои табуны к теплым водам Черного моря. Тогда степь между Волгой и Днестром восточные люди, вслед за приезжими персидскими купцами, стали называть Дешт-и-Кипчак, а русские люди - Поле половецкое.

..."История кипчаков" - была главной мечтой академика А.Х. Маргулана.

Я хочу рассказать о Маргулане. Речь пойдет не только об ученом человеке, но и о его стране - Центральном Казахстане. Удаленные почти на полстолетия назад, в конец 40-х гг., Маргулан и Центральный Казахстан были для меня неразрывно связанными и одинаково памятными. Тогда, в 1948 г., наступал третий сезон моего путешествия в Древнетюркский каганат, в увлекательнейшую историю, в его чудом сохранившийся быт...

Но какое же это было время? Только что смолк четырехлетний зловещий рев невероятного чудовища, которого люди называли войной. Израненная страна вернулась к миру, вздохнула и стала залечивать свои раны, заделывать зияющие рваные пустоты. В 1947 г. отменили карточную систему. Люди тыла от плача, голода и молитв стали переходить к труду и радостям. Вернулись молодые люди, пусть и такие, как я, немного покалеченные, но деятельные, соскучившиеся по миру и тишине, по созидательному труду и книгам.

Центральный Казахстан тогда был краем нетронутых зверей и непуганых птиц, сухих степей и пустынь, страной редких кочевых аулов, называвшихся почему-то колхозами; почти безлюдная земля робких черноголовых амазонок и степенных аксакалов. Как же мало мы видели мужчин на древних караванных и торговых путях! Но как много попадалось разнообразной живности и дичи! Изредка

встречались и охотники, но без всякого оружия - к их верблюдам или седлам старых лошадок приторочены были только волчьи или лисичьи капканы да собственные костыли...

"Хабар бар ма?" - "Бар, бар! Москва говорит, что надо снова поднимать жизнь - вот с нами едут люди из Москвы!" - "Ой-бай, жақсы!"

Моюн-кумы, Бетпак-дала, Сарысу, Улытау... 300 тысяч казахов погибло на войне. В старых войлочных юртах мало детей и люди живут также, как их древние предки в VI - VIII вв.: кумыс, еремчик, курт, редко - мясо сурка, барсука или сайги, наступившей в капкан на водопое... Хлеба нет - клубни диких растений и корни...

Маргулан - плотный, кряжистый человек со свежим лицом, всегда выбритый, одет в светлый льняной костюм и белые брезентовые туфли. На голове его - совсем не казахская, округлая панама. Он удивляет степных людей, они с опаской думают: "Зачем этот начальник приехал из Москвы? Что-то он скажет?" В юрте его сажают в центре, на почетное место и первому подают кесу с кумысом. Тихо спрашивают меня: "Маргулан, говоришь? Нет, он не казах - фамилия не казахская!" Тут уж я смеюсь и удивляюсь.

Так, кто же он - Маргулан? Себя он просил в степи называть по-родственному - Алеке. Ему 44 года - мне на двадцать лет меньше. Он член-корреспондент Казахской академии наук, я студент-дипломник кафедры археологии Московского университета. Он начальник Центрально-Казахстанской экспедиции и меня уважает - назначив начальником археологического отряда. Еще есть архитектурный отряд, его начальник Павел Николаевич Рогулин. Этот толстеющий москвич средних лет не может сидеть на кошме, поджав под себя ноги, как все степняки. Казахи спрашивают меня, удивляясь: "Почему русскому начальнику непременно нужно подкладывать под зад твердую доску?" Я снова смеюсь. Мне и самому интересны спутники по новой экспедиции.

Наш начальник, кажется, человек жизнерадостный и очень любит степь, радуется ей. Утром, выйдя из палатки, он распахивает руки на восход солнца и кричит: "Сәлем саган, туған жер!" - Приветствую тебя, родная земля!" И улыбается. Вечером, отходя от костра под звездный полог пустынной ночи, он поет печальные песни родины. В своих рассказах об истории казахов Алеке мыслит яркими эпическими образами и нередко цитирует героические сказания. О каждом встреченном каменном изваянии, скале с древними рисунками, степном мавзолее-кумбесе он может рассказать бытующее в народе верное предание или легенду.

Ученого человека Маргулана, как мне казалось, характеризуют три основные черты, каждая из которых является порождением предыдущих: во-первых и главных, преданность родной земле и

своему народу; во-вторых, преданность науке и, в-третьих, смелая устремленность в полевой разведке. Прирожденный всадник, он может часами скакать на верблюде, но предпочитает размеренного иноходца-тулпара.

Все это и мне было дорого, но особенно последнее качество. Ведь я, бывший танкист, привык за три года тяжелой службы на войне к стремительным боевым операциям, к постоянным танковым броскам и непрерывному продвижению вперед.

Маргулан в то время - тюрколог-казаховец широкого профиля. Главное - он историк культуры своего народа: фольклорист, этнограф, исследователь казахской архитектуры. Он получил хорошее образование, обучаясь в 20 - 30-х гг. в вузах Ленинграда. В 1945 г. за диссертацию по казахскому эпосу Алека получил степень доктора филологических наук.

В 1948 г. он себя археологом еще не считает, хотя уже два года тому назад создал Центрально-Казахстанскую комплексную экспедицию и производил небольшие раскопки. Маргулан питал надежду найти археологические объекты, напрямую связанные с происхождением и историей родного народа. Казалось, это легко и просто. Его подход на первых порах был филологическим - надо использовать родные топонимы!

Алека рассказывал, как на речке Бегазы ему вдруг стало предельно ясно, что там похоронены "беги азов" (азы - древнетюрский народ VIII - IX вв. - Л.К.). Поэтому в 1947 г. он решился раскопать одну бегазинскую плиточную ограду (Маргулан А.Х., 1949, с. 13 - 18). Но, увы, ни одного тюркского бега он в ней не нашел и найти не мог - сооружение было построено в более глубокой древности, еще в конце бронзового века. Ученый был сильно обескуражен... Так зародилось явление, которое я шутя назвал парадоксом Маргулана.

Стремясь найти и исследовать курганы, связанные с древними и средневековыми тюрками - прямыми предками казахов, Алькей Хаканович старался раскрывать самые разнообразные по устройству могильные сооружения. Но чем больше он их исследовал, тем больше он обнаруживал памятники эпохи бронзы, заведомо не связанные с тюрками. И вот, наконец, стало ясно, что Маргулан открыл и обосновал как феномен новую важную для науки бегазы-дандыбаевскую культуру (Маргулан А.Х., 1979). И я своими раскопками в горах Бегазы тоже способствовал этому (Кызласов Л.Р. и Маргулан А.Х., 1950).

Много других замечательных памятников открыл этот удачливый и трудолюбивый человек. Но, если не ошибаюсь, только однажды он раскопал могилу кипчакского воина с оружием, конским инвентарем, предметами быта и серебряными монетами XIV в. (Маргулан А.Х., 1959). Некоторые ученики Алькея Хакановича также оказались подверженными "парадоксу Маргулана". В результате их упорных

трудов лучше всего изученными в Казахстане оказались культуры эпохи бронзы и раннего железа (Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. 1966).

Замечательные памятники бронзового века настолько увлекли Алеке, что он стал забывать свою прежнюю мечту. Ему удалось передать древнетюркскую тему в руки трех способных ученых - Сержана Мусатаевича Ахинжанова, создавшего ценный труд о кипчаках (Ахинжанов С.М., 1989; 2 изд., 1995), Булата Ешмухамбетовича Кумекова, распутавшего сложный клубок арабских и персидских источников о кимаках (Кумеков Б.Е., 1972), и Александра Шайдатовича Кадырбаева, заставившего средневековые китайские хроники рассказать о тюрках и иранцах в XIII-XIV вв. (Кадырбаев А.Ш., 1990).

Большие успехи достигнуты с тех пор археологами, исследующими роль и значение городской цивилизации в средневековой истории Казахстана (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1987; Байпаков К.М., 1986; Байпаков К.М., 1990). Здесь надо вспомнить, что ее изучение началось с небольшой книги Алькея Хакановича, вышедшей в далеком, 1950 г. (Маргулан А.К., 1950). Кроме западных районов Казахстана, археология кипчаков и других средневековых этнических групп остается неразвитой, а без нее - нет решения этнической истории казахов.

Но все это проблемы сегодняшнего развития науки. А тогда, в "сороковые-роковые" был период бурного послевоенного развития науки и культуры Казахстана. Была создана Казахская академия наук, которую возглавил крупный ученый и талантливый организатор науки геолог Каныш Имантаевич Сатпаев. Среди научных институтов возник Институт истории, археологии и этнографии. Директором его стал многообещающий и инициативный историк Е.Б. Бекмаханов, тогда еще не предугадывавший своей драматической судьбы.

Продолжили полевые исследования экспедиции ленинградских ученых: Семиреченская, во главе с профессором А.Н. Бернштамом, и Восточно-Казахстанская, созданная истинным рыцарем без страха и упрека, защитником Ленинграда в дни блокады капитаном С.С. Черниковым. Археологи, разворачивая послевоенную работу, формировали свою научную стратегию и тактику. В Казахской академии наук в то время Маргулан был единственным ученым, который задумал создать сектор археологии на пустом месте. И тогда он поехал в Москву. Отчего же не в близкий ему с юности Ленинград? Кажется, потому, что "А.Х. Маргуланов" (как он тогда подписывал свои статьи) после страшных 1937 - 1938 гг., будем говорить, просто "устал" от Ленинграда. Он решил обратиться за помощью к своим московским коллегам, ведущим профессорам кафедры археологии Московского университета. Это были известные ученые - Б.Н. Граков и С.В. Киселев. Граков в 1928 - 1933 гг. раскопал значительное количество андроновских, савромато-сармато-аланских и средневековых могил в северных пределах

Западного Казахстана. В 1930 г. в г. Кызыл-Орде им был издан известный программный труд "Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана", с приложением первой карты "главнейших археологических культур и культурных влияний" этой страны (Граков Б.Н., 1930). Киселев, во главе отряда Карагандинского областного музея в 1940 г. произвел в Каркаралинском районе, вблизи аула Бес-Оба, генеральное археологическое обследование местности. Он раскопал там около десяти андроновских погребальных сооружений и одно святилище солнцепоклонников бронзового века (Киселев С.В., 1949, с. 55 и 59, прим. 139; Маргулан А.Х., Агеева Е.И., 1948, с. 132 - 133).

Кафедра археологии МГУ откликнулась на просьбу Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана и направила туда на постоянную работу двух молодых специалистов-археологов из выпуска 1947 г. Это были ученые-энтузиастки - А.Г. Максимова и Т.Н. Сенигова, которые посвятили археологии Казахстана всю свою трудовую жизнь. Именно с их именами связано преодоление нелегкого периода становления сектора археологии АН Казахстана и резкого расширения фронта его полевых работ.

Кафедра археологии МГУ, по предложению профессора С.В. Киселева, откомандировала на полевой сезон 1948 г. в помощь А.Х. Маргулану и меня, в то время готовившего дипломную работу на тему: "Алтайские племена в V - X вв." (экскурсы из этой работы опубликованы: Кызласов Л.Р., 1949; Кызласов Л.Р., 1951). Было принято во внимание, что в 1946 - 1947 гг. я, в качестве научного сотрудника Саяно-Алтайской археологической экспедиции АН СССР, работавшей под руководством профессора С.В. Киселева, прошел специальную полевую подготовку по исследованию памятников древнетюркской культуры VI - X вв. на территориях Тувы и Хакасии (Евтюхова Л.А. и Киселев С.В., 1949, с. 120). В те годы я застал в Туве еще не затронутых цивилизацией кочевников-тувинцев, которые по образу жизни и самобытной культуре мало чем отличались от скотоводов, составлявших основное население Тюркских каганатов в VI - VIII вв.

Поэтому в Центральном Казахстане археологический отряд в 1948 г. быстро обнаружил в ряде пунктов сосредоточение типичных жертвенно-поминальных памятников эпохи Тюркских каганатов (Кызласов Л.Р., 1951; Кызласов Л.Р., 1950). Для поминальных жертвоприношений в честь погибших героев древние тюрки сооружали подквадратные оградки из плит, врытых на ребро, с каменными изваяниями, установленными вертикально и изображавшими покойных воинов. От этих изваяний на восток отходили ряды каменных столбиков-балбалов, устанавливаемых, по тюркскому обычаю, по числу убитых воином (при жизни) врагов (Кызласов Л.Р., 1969, с. 23 - 43; Кызласов Л.Р., 1964).

Центрально-Казахстанские жертвенно-поминальные памятники оказались абсолютно тождественными изучавшимся мною за год до этого в Туве. Наше открытие показало, что памятники Тюркских каганатов VI - VIII вв. одинаковы на всей территории первых древнетюркских государств. Само по себе это было большим успехом и очень порадовало Алькея Хакановича (Маргулан Э., 1966, с. 8 - 21).

Как видно из нашего изложения, и экспедиция 1948 г., в которой участвовало двое профессионально работающих москвичей, и, главное, активный повседневный труд новых сотрудниц-москвичек в создаваемом секторе археологии АН Казахстана должны быть отмечены как известный вклад кафедры археологии Московского университета в создание и развитие собственной археологической науки в Казахстане.

Добавлю, что казахстанская тематика постоянно находилась в поле зрения московских университетских археологов. В 50 - 60-е гг. читался спецкурс по археологии Казахстана и Киргизии, готовились и кадры молодых специалистов. В 1964 г. курс Московского университета по кафедре археологии (под руководством Л.Р. Кызласова) окончил будущий казахский ученый Сержан Мусатаевич Ахинжанов (Смагулов Е.А., 1992, с. 297 - 298). Другая моя ученица - Л.А. Чалая - в 1967 - 1971 гг. изучала на территориях Центрального и Северо-Восточного Казахстана стоянки неолитической эпохи. Собранный ею материал опубликован и исследован в кандидатской диссертации (Чалая Л.А., 1971).

Однако безусловным организатором целой отрасли гуманитарной науки о казахах в Казахстане стал неутомимый в хлопотах, настойчивый и деятельный, внешне всегда спокойный, но в действительности тонко чувствующий и глубоко ранимый, стойко переживавший многие нападки и удары судьбы, наш почтенный патриарх Алеке Маргулан. Энтузиазмом археологов удивить нельзя, но внутренняя убежденность в личной ответственности за воссоздание подлинной истории своего народа дана не каждому.

Сегодня нам легко понять, что в те годы наиболее опасной для Алеке была, как это ни парадоксально звучит, именно нескрываемая им любовь к родному народу.